

БЫТ(Ь) НА РУИНАХ СЕБЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вера Белова

Быть на руинах себя

<https://litres.ru/74653067>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не читайте эту книгу, если хотите спать спокойно. Здесь не будет ни одного человека, которого можно любить. И ни одного, которого можно ненавидеть. Потому что все — живые. И все — делают больно. Это история женщины, которая мстила, изменяла, спасала чужих и теряла себя.

Вера Белова

Быть на руинах себя

Вера Васильевна Белова

Быт (ь)

НА РУИНАХ СЕБЯ

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Вера Васильевна Белова, 2026

Не читайте эту книгу, если хотите спать спокойно.

Здесь не будет ни одного человека, которого можно любить. И ни одного, которого можно ненавидеть. Потому что все — живые. И все — делают больно.

Это история женщины, которая мстила, изменяла, спасала чужих и теряла себя.

18+

Оглавление

Быт (ь)

Предисловие

глава 1

глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Эпилог

Предисловие

Я расскажу вам то, что не говорят на исповеди.

Меня осудят. Меня поймут. Вы будете злиться. На книгу. На правду. На меня. На себя.

Здесь не будет ни одного человека, которого можно любить. И ни одного, которого можно ненавидеть. Потому что все — живые. И все — делают больно.

В моих ошибках вы увидите свои. В моей жизни вы увидите свою. Или жизнь своей матери. Или сестры. Или знакомых.

Вы будете чувствовать запах, который чувствовала я. Вы будете чувствовать боль. И радость. И ненависть. И любовь. И пустоту. И тишину.

Я не буду вас жалеть. Я не буду себя жалеть. Я не буду ничего приукрашивать.

Я просто расскажу.

А вы — читайте. Если осмелитесь.

глава 1

12 декабря 2012 года все загадывали желания. Красивая дата. Раньше нам говорили, что в эту дату случится конец света, интернет кишил предсказаниями и новостями. Но конца света не случилось. Случилось кое-что похуже. для меня.

Я сидела на уроке. История. Учительница что-то рассказывала про древний мир, а я смотрела в окно. За окном шёл снег. Мокрый, тяжёлый, декабрьский.

— В., ты слушаешь? — окликнула меня учительница.

— Да, — соврала я. — Слушаю.

Я не слушала. Я думала о Д.

В 12 часов 12 минут кто-то из девчонок прошептал:

— Девочки, давайте желания напишем! Надо съесть бумажку, и желание сбудется!

— Это же бред, — сказала я.

— А вдруг нет?

Мне дали клочок бумаги. Я смотрела на него. Смотрела на ручку в своей руке. И вдруг поняла: я знаю, что написать.

Я наклонилась над бумажкой и написала:

«Хочу, чтобы Д. любил меня до самой смерти. Хочу с ним семью, детей, дом. Чтобы Д. всегда был рядом».

Я сложила бумажку. Проглотила.

Девчонки засмеялись. Кто-то загадал пятёрку по алгебре, кто-то — новый телефон.

А я сидела и думала:

«Точно сбудется. Теперь он будет моим навсегда».

Мне было шестнадцать. Я была влюблена так, как умеют влюбляться только в шестнадцать. Я не знала тогда, что это желание станет приговором.

Я не знала. Я просто сидела на уроке истории и была счастлива.

Я встречалась с мальчиком.

Моя мама не знала. Она всегда думала и верила, что я правильная, скромная и даже не думаю о парнях. Учила меня быть именно такой.

— Дочка, — говорила она, — девочка должна быть скромной, носить платья и юбочки, слушаться маму и молиться Господу, Бог всё видит, дочь. Бог накажет за грехи.

Я ходила в церковь, всю жизнь. Молилась. Била поклоны. Была послушной, верующей и богобоязненной, пела в храме на клиросе.

Пока не начала встречаться с парнем.

Д. старше меня на год. Он уже курил. У него были друзья, компания, свобода, которой у меня не было.

Однажды мы сидели с ним на крыльце. Вечер. Тихо. Он достал сигарету.

— Хочешь попробовать? — спросил он.

Я замерла.

«Мама убьёт. Мама узнает. Мама...»

— Давай, — сказала я.

Он протянул мне сигарету. Я взяла её. Мои пальцы дрожали.

— Ты не умеешь? — засмеялся он.

— Умею, — соврала я.

Я не умела.

— Смотри, — сказал он. — Вдохни и держи. Только не сильно долго, закашляешься.

Я поднесла сигарету к губам. Затянулась.

С первого же вдоха у меня закружилась голова. В глазах помутилось и поплыло. Тело обмякло. Я словила какой-то нереальный кайф. Расслабление. Будто меня накрыло тёплым одеялом.

Сигарета была ужасно горькая. Дым противно вонял. Но я затянулась ещё раз. И ещё. Отдала сигарету Д.

— Ты чего? — засмеялся он. — Тебе плохо?

— Нет, — прошептала я. — Мне ништяк.

Так я научилась курить. Сначала одну сигарету. Потом вторую. т понеслось.

Мама ни о чём не догадывалась.

Я приходила домой, жевала жвачку, чистила зубы, мыла руки с мылом. Смотрела в зеркало на своё лицо — румяное, довольное, живое — и говорила себе:

«Ты справляешься. Ты успеваешь быть и хорошей дочкой, и свободной девчонкой. Ты умница. Ты всё контролируешь».

Я не контролировала ничего.

В 17 лет я узнала что такое секс, и да, я каждый раз лгала что мне нравится. Мне не нравилось. И я забеременела.

У меня появилась задержка. Я сначала не придавала значения. Ну, задержка. Бывает. Стресс, учёба, нервы. Я ходила в колледж и строила планы.

А потом прошла неделя. Потом вторая. Я начала считать.

«Нет. Не может быть. Мы же один раз. Мы же...»

Я пошла в аптеку. Купила тест. Продавщица посмотрела на меня — молодая — и ничего не сказала. Я была ей благодарна за это молчание.

Дома никого не было. Я зашла в туалет. Закрывает дверь. Села и долго не могла открыть коробку. Пальцы не слушались.

Потом открыла. Сделала всё, как написано. Положила тест. И стала ждать.

Две минуты. Я смотрела на белую полоску и молилась.

«Господи, если ты есть. Если ты правда всё видишь. Сделай так, чтобы была одна полоска. Я буду ходить в церковь. Я буду молиться. Я буду послушной. Только сделай так, чтобы одна».

Появилась вторая.

Я смотрела на неё и не понимала, что вижу. Я перечитала инструкцию. Я подумала, что тест бракованный. Я открыла

второй. Сделала ещё раз.

Две полоски.

Я села на пол. Обхватила колени руками. И меня начало трясти.

«Что я скажу маме? Что я скажу Д.? Что я скажу? Я же учусь. Я же ничего не умею. Как я буду растить ребёнка?»

Я сидела на полу и плакала. Тихо, чтобы соседи не слышали. Мне было семнадцать. Я была беременна. И я не знала, что мне делать.

«Аборт. Надо сделать аборт. Пока никто не знает. Пока не поздно. Я не могу родить. Я не справлюсь. Я ещё сама ребёнок».

Я вытерла слёзы. Встала. Спрятала тесты в карман. И пошла звонить Д.

Он сидел на корточках. Курил. Увидел меня — улыбнулся.

— Ты чего такая? — спросил он.

Я села рядом. Молчала.

— Что случилось?

Я достала тест. Протянула ему. Он взял. Посмотрел. И замер.

Молчание.

Я смотрела на его лицо. На то, как он смотрит на две полоски. На то, как у него меняется дыхание.

— Это... — начал он. — Это точно?

— Точно, — сказала я. — Я два раза делала.

Он замолчал. Долго. Я ждала. Я не знала, что он скажет. Может, обрадуется. Может, скажет: «В., это же здорово, мы справимся». Может, обнимет.

Он сказал:

— Надо думать, как решать этот вопрос.

Я замерла.

«Решать. Он сказал — решать. Не „мы справимся“. Не „я с тобой“. Не „я люблю тебя“. Решать».

— Я хочу сделать аборт, — сказала я.

Он поднял на меня глаза. И я не поняла, что в них. Облегчение? Страх? Или ничего.

— Ты уверена? — спросил он.

— Нет, — сказала я. — Я ничего не знаю.

Мы стояли растерянные. Молчали. Он докурил сигарету.

Я развернулась и пошла домой.

Мама клала дымоход для печки, она у меня мастер на все руки. Я видела её со спины — она стояла на коленях, вся в глине и цементе.

Я подошла. Остановилась за её спиной.

Я не могла выдохнуть.

«Скажи. Просто скажи. Открой рот. Ты должна сказать».

— Мам.

Она не обернулась.

— Чего?

— Мам, я беременна.

Кирпич выпал из её рук. Упал на землю с глухим стуком.

Она медленно села на корточки. Лицо стало красным.

Будто из неё вышел весь воздух.

Она смотрела на меня. И я видела, как в её глазах рушится мой образ.

«Моя правильная дочь. Моя скромная девочка. Которая ходила в церковь, била поклоны, молилась. Которая никогда не грубила. Которая была примером для всех...».

Молчание.

Я слышала, как стучит моё сердце. Как в ушах шумит кровь.

— Какой срок? — спросила она. Голос был чужой. Сухой.

— Я не знаю. Я только сделала тест.

— С кем?

— С Д.

— С каким Д.? — она подняла на меня глаза. — Ты с кем-то встречалась?!

— Да, — прошептала я. — С девятого класса мам, с самой школы.

Она замерла. Потом засмеялась. Страшно. Коротко.

— С девятого класса... И ты врала мне всё это время.

— Мамуль, я...

— Молчи.

Она встала. Отряхнула руки. Посмотрела на меня.

— Что ты хочешь от меня?

— Я хочу сделать аборт.

Она подошла ко мне. Близко. Я на голову выше. Но в тот момент я чувствовала себя маленькой девочкой, которую вот-вот раздавят.

— Если сделаешь аборт, — сказала она голосом, который я никогда не слышала, — никогда в жизни больше не появляйся мне на глаза. Матери у тебя больше не будет.

Я замерла.

— Мам...

— Раз научилась раздвигать ноги — то теперь ты взрослая. Ищи себе жильё. Женитесь со своим парнем. Зови его. Будем разговаривать.

Я не могла дышать. Слезы текли. В горле стоял ком.

— Мам, пожалуйста, — я схватила её за руку. — Я не хочу рожать. Мне страшно. Я...

Она вырвала руку.

— Ты сама выбрала такой путь.

Она отвернулась. Подняла кирпич. И снова начала класть дымоход. Молча. Будто меня не было.

Я была разбита.

«Она не обняла меня. Не погладила. Не сказала „мы справимся“. Она сказала — у тебя больше нет матери. И продолжила класть кирпичи».

Я зарыдала так, что плечи тряслись. Я побежала к себе в комнату и рухнула на пол в истерике.

Я позвонила Д.

— Приезжай, — сказала я. — Мама хочет с тобой пого-

ворить.

Он приехал на следующий день. Мы сели за стол. Мама напротив.

Она налила чай. Не спросила, как дела, кто его родители и какие у него планы на меня и жизнь. Сразу перешла к делу:

— Раз вы почувствовали себя взрослыми — забирай её к себе. Или снимайте жильё.

Д. замер.

— Что?

— Я против аборта. В этом доме вы жить не будете. Женитесь и живите как семья, а не как блудники.

Я смотрела на Д. Его руки дрожали под столом.

— Вы серьёзно? — спросил он.

— Абсолютно, — сказала мама. — Оприходовал девчонку — забирай последствия.

Д. молчал. Я видела, как он сглотнул. Как он смотрит на маму, потом на меня, потом в стол.

«Он сейчас уйдёт. Он скажет — я не готов. Он скажет — это твои проблемы. Он встанет и уйдёт. И я останусь одна».

Он не ушёл.

— Хорошо, я вас понял. — сказал он тихо.

Мама встала.

— Тогда ищите квартиру.

В этот же день мама сама нашла нам квартиру.

Меня тошнило с утра до вечера. Я бегала в туалет между парами в колледже. Меня рвало так, что глаза краснели.

Я хотела есть постоянно, но от еды меня выворачивало ещё сильнее. Я худела, хотя должна была набирать.

Врач говорила:

— Питайтесь нормально. Вы теряете вес.

— Я не могу, — отвечала я. — Меня тошнит.

— Терпите. Это токсикоз. Пройдёт.

Не проходило.

Д. каждый день старался меня баловать, покупал вкусные шоколадки, соки, фрукты.

Вскоре мама Д. дала нам квартиру и мы переехали.

Однажды ночью, я сидела на кухне. Уткнувшись лицом в ладони. И рыдала.

Меня душил токсикоз. Слабость. Ощущение, что я ничтожество.

Д. проснулся. Вышел на кухню. Сонный. Со следами от подушки на щеке.

— Ты чего? — спросил он.

Я подняла на него заплаканное лицо.

— Я хочу арбуз, — сказала я. — Я умираю. Я хочу арбуз.

Он замер.

— Арбуз? Сейчас?

— Да, — я всхлипнула. — Я понимаю, что это глупо. Я не могу. Я...

Он молча оделся. Натянул кофту. Кроссовки. Не сказал ни слова. Просто взял ключи и вышел за дверь.

Я услышала, как хлопнула дверь подъезда.

«Всё. Он устал от меня. Он ушёл. Он больше не выдержит моих истерик. Он не вернётся. Он бросил меня».

Прошёл час. Два.

Я сидела на кухне. Смотрела в стену.

«Может, он у мамы. Может, он у друга. Может, он просто пошёл покурить. Может, я его достала. Может, я действительно схожу с ума».

Я представляла, как он стоит на остановке. Как он думает: «Зачем мне эта дура с её истериками? Я молодой. Я могу жить как хочу».

Я уже почти поверила, что он не вернётся.

А потом открылась дверь.

Он вошёл. С огромным арбузом в руках.

Его руки были в грязи. Под глазом красовался синяк. Кофта была порвана.

Я смотрела на него и не могла выдохнуть.

Он поставил арбуз на стол. Присел рядом.

— Ешь, — сказал он.

— Что... что случилось? — прошептала я. — Откуда ты его...

— Ешь, — повторил он. — Потом расскажу.

Он разрезал арбуз. Красный. Сладкий. Я ела и плакала. Уже от облегчения.

Он сидел рядом. Молчал. Гладил меня по спине.

«Он не ушёл. Он вернулся. Он принёс мне арбуз. В два часа ночи. Он... он правда меня любит?»

Потом я узнала. Он обошёл все рынки. Все магазины. Везде было закрыто. Он нашёл в парке газель с арбузами. Постучал в кузов. Продавец спал. Не открывал. Д. не ушёл. Он стучал. Добивался. Продавец вышел злой. Начал орать. Д. не сдавался. Они подрались.

Д. схватил арбуз и сказал:

— У меня жена беременная. Она умирает без арбуза. Ты понимаешь?

Продавец сплюнул. Махнул рукой. Отдал и не взял деньги — лишь бы отвязался. Самый дорогой арбуз в моей жизни.

Мне было 17. По закону нас не могли расписать без согласия родителей. Мой отец жил далеко на севере, а мама уперлась что в ЗАГС с нами не пойдёт. Получить от него согласие было невозможно. Мы ждали моего совершеннолетия. 11 августа мне исполнилось 18. 12 августа мы расписались.

У нас не было свидетелей. Не было гостей. Не было белого, красивого свадебного платья. Не было ничего. Мы просто пришли в ЗАГС. Расписались. Надели кольца. Вышли. Моя подруга пофотографировала нас на телефон у фонтана. Я была на 39-й неделе беременности. Веса 98 килограммов. Д. посмотрел на меня. Улыбнулся.

— Давай я тебя подниму, — сказал он.

— Ты с ума сошёл? — засмеялась я. — Я же как трактор.

— Не придумывай, — сказал он. — Ты самая красивая.

Он подхватил меня на руки.

Я думала, что его спина сломается. Он сам то худющий

как спичка, и еле-еле держал меня. Руки дрожали. Лицо красное. Но он сделал это. Он держал меня. И улыбался.

Подруга щёлкнула фото. Мы пошли в Макдональдс. Я ела картошку фри. Он смотрел на меня и смеялся.

— Ты ешь как беременная, — сказал он.

— Я и есть беременная, — ответила я.

Мы смеялись.

А через две недели, 27 августа, я родила малышку М.

Я помню этот день по запахам. Стерильный холод. Железо. Кровь.

Мне было восемнадцать. Я сама была ребёнком и нуждалась в поддержке и помощи. Но никто не держал меня за руку.

Только холодный кафель под ногами. И чужая женщина, которая должна была мне помогать. Но смотрела на меня так, будто я была мусором.

Акушерка меня ненавидела. Я не знаю, за что. Но она все схватки оставляла меня одну. Когда я начинала кричать, она вкалывала обезболивающее. Я теряла сознание. Может, аллергия. Может, организм не выдерживал.

Я проваливалась в темноту. А когда приходила в себя — снова была боль. Такая, что я не могла дышать. Она подходила. Когда я начинала кричать. И била меня по щекам и везде где попало. Её ладонь была жёсткой и холодной.

— Шаболда, хватит орать! — кричала она мне прямо в лицо. — Ноги раздвигать перед мужиками научилась, а ро-

жать нет? Чего ты орёшь то блять? Научилась пиздой светить — теперь рожай, закрой свой рот!

Её голос звенел в ушах. Я тряслась. Мне было холодно, страшно, я думала что умираю. Я сжимала поручни родильного кресла. Она уходила. И я снова кричала, мне было больно и я теряла сознание.

«Помогите. Пожалуйста. Я умираю. Я не хочу быть здесь. Я хочу к маме. Я хочу домой. Я хочу, чтобы всё это закончилось».

Девочки в палате, которые рожали рядом, кричали. Звали её. Просили подойти ко мне. Она подходила. Снова била меня везде где попало, давала пощечины, смотрела раскрытие, орала. И уходила.

Я слышала голоса сквозь туман:

— Помогите ей, она в отключке! Она же ребёнок!

В один из моментов я очнулась. И поняла — я сейчас обосрусь. Я начала тужиться. Мне стало больно. Я опустила руку между ног. И нащупала голову. Голову моей дочери.

Я закричала:

— Помогите! Помогите мне!

Прибежала акушерка. Снова начала орать и винить меня в том что тужусь. В тот момент забежал люди, и врач командовала:

— Тужься!

Я тужилась из последних сил. Ещё раз. И ещё.

Я услышала её крик. Тонкий. Пронзительный. Я видела

как ее поднимают, синюю, мокрую, в крови. Я чувствовала, как разрывается моя промежность и горит. Как что-то горячее и мокрое вытекает из меня.

Врач сразу убежала на роды с соседнюю палату.

Потом кто-то сказал тужиться. Я не знала, что такое послед. Мне казалось, что я рожая двойню.

Ребёнка забрали даже не показав мне и куда то унесли.

Я осталась одна в палате. На кресле. В собственной крови. Я даже не понимала куда делись другие роженицы, которые были со мной в палате и потеряла сознание.

Очнулась от резкой и острой боли, когда меня зашивали. На живую. Без обезболивающего. Я чувствовала, как игла входит в мою промежность. Пронзает кожу. Как нитка тянется через мясо. Сжимала поручни. И молчала. У меня не было сил кричать. Принесли мою дочь.

Когда меня зашили и оставили одну, я слезла с кресла. Из меня хлынула кровь. Она бежала по ногам. Стекала на пол. Оставляла красные следы. Я не обращала на это внимания. Я подошла к кровати, где лежала моя дочь. Маленькая, страшная. Я смотрела на неё и рыдала.

Не от боли. От того, что я только что пережила и не знала, как быть матерью. «Она такая маленькая. Она такая хрупкая. Я не справлюсь».

Акушерка прибежала. Схватила меня за руку и оттащила от дочери.

— Какого хрена ты встала? Я не буду вытирать это дерь-

мо, мне не за это платят! Это пиздец! Бери тряпку и мой за собой!

Я не взяла дочь на руки. Я взяла тряпку. Я чувствовала себя виноватой, за то что залила кровью кафель. Встала на колени. И мыла полы. Пахло железом. Мне было ужасно холодно. Стыдно. Страшно что меня снова отругают или ударят. Мои руки дрожали. А я ползала и мыла. Потому что мне сказали. И я не посмела отказать.

Когда я закончила, акушерка дала другую тряпку и сказала мыть родильное кресло и дала мне пеленку, сказав сунуть между ног и зажать. После чего посадила меня в инвалидное кресло. Дала в руки ребёнка. И повезла в палату. По дороге я смотрела на дочь. Она была такая маленькая. Я боялась дышать на неё.

В палате меня трясло. Я не могла успокоиться. Я смотрела на дочку и не знала, что с ней делать. Я боялась взять её на руки. Мои руки дрожали. Я думала, что уроню. Что сделаю ей больно. Её крошечное тело, казалось мне хрупким, как стекло. Мамочки в палате помогли мне. Показали, как приложить к груди. Как держать, чтобы не повредить шею.

— Ты не бойся, — сказала одна. — Научишься.

Я кивала. И рыдала. Я стала матерью.

Наступил день выписки. Я ждала Д. Я смотрела в окно на других мужей. Они приходили с цветами. С шарами. С улыбками. Обнимали своих жён. Дарили подарки.

Мой муж стоял в коридоре. Смотрел на меня и дочку. По-

дарил мне цветы, мед персоналу пакет с подарками. Всплакнул увидев дочь.

— Пойдём, — сказал он.

Мы вышли из роддома. Я чувствовала швы. Мне было больно идти. Я мечтала о том, как поскорее прилягу в машине и поеду домой.

А он сказал:

— Зай, прости меня. Я знаю что я дурак. У меня нет ни копейки денег. Даже на такси.

Я замерла.

— Что?

— Я всё потратил, — сказал он. — Я пил. Все эти дни. Я бухал в кафе. Потратил всё.

Я смотрела на него. На его виноватые глаза. И хотела его удушить. Позвонила маме.

— Мам, — сказала я. — Мы приедем к тебе. Заплати за такси.

Мы поехали к ней. Потому что у нас не было денег доехать до нашего дома.

Вскоре мы с мужем ушли в академический отпуск. Д. работал грузчиком. Я сидела с дочкой. Моя мама помогла мне, научила всему. Мы много ругались с мужем и даже дрались. Я словила послеродовую депрессию.

Я была обессилена, не высыпалась. Весила 90 килограммов после родов. И ненавидела себя. Я смотрела на мужа, который приходил с работы, ел, мылся, и злился на бардак

в квартире и не чувствовала ничего. Ни любви. Ни ненависти. Только пустоту. И страх. Что это теперь навсегда. Что я больше никогда не буду счастливой. Что я больше никогда не буду собой.

глава 2

Малышке М. исполнился год. Я вышла на работу — администратором в игровой кальянный клуб.

Мать Д. предложила помощь:

— Я могу сидеть с М.

Я сначала отказалась. Я хотела брать дочку с собой. Но потом посмотрела на этот клуб — дым, кальяны, приставки, взрослые дяди с пивом — и поняла: нет. Не нужно ей видеть этот контингент.

— Хорошо, — сказала я матери Д.

Она обрадовалась. Я видела, как она смотрит на меня. Как на чужую. Она никогда меня не любила. С первого дня нашего знакомства.

Работа находилась в трёхстах метрах от нашего дома. С обеда до пяти-шести вечера приходили дети — играть в приставки. После шести детям вход был запрещён: начинался период заказов кальянов, приходили ребята старше восемнадцати. Потом мы перешли на круглосуточный режим. Я

взяла помощницу — классная девчонка, мы почти сразу стали лучшими подругами.

Я была невероятно худая. Подтянутая. Рыжеволосая. Губастенькая. Яркая. Весёлая. Несмотря на то, что родила всего год назад. Дети меня обожали. Мужчины уважали. Таскали гостинцы, цветы, подарки. Сначала я относилась к этому негативно. Отмахивалась. А потом... потом мне стало нравиться такое внимание.

Однажды у нас на работе у одного клиента пропал дорогой телефон. Они сидели в закрытой VIP-кабинке, вышли покурить, вернулись — телефона нет. Камер тогда ещё не стояло.

— Вызывайте полицию, — сказала я подруге. — Без вариантов.

Пока шли разборки, пока у всех гостей игровой брали отпечатки, ко мне подкатил оперуполномоченный. Симпатичный. Накачанный. Татуированный. Губастенький. Ниже меня почти на полголовы.

— Девушка, а вы тут администратор? — спросил он, улыбаясь.

— Администратор, — ответила я, не поднимая глаз от бу-
маг.

— А имя у такого красивого администратора есть?

Я подняла глаза. Посмотрела на него. И засмеялась.

— Вера. И у меня есть муж. И дочь. Так что можете не стараться.

Он не смутился.

— А., — представился он. — И мне плевать на мужа. Я не с ним разговариваю.

Я поржала. Отвернулась. Продолжила работать.

А потом ко мне подошла его коллега. Наклонилась к уху:

— Вера, дай, пожалуйста, свой телефон. А. боится, что ты его отошьёшь или пошлёшь.

Я засмеялась громче.

— Передай А., что он угадал. Я его пошлю.

Подруга рядом шептала:

— Соглашайся. Дай номер. Посмотри, какой он сексуальный.

Я краснела и отказывалась. Я очень любила своего мужа. Я считала, что не могу его предать.

После отъезда полиции я сдала смену подруге. И мне прилетело сообщение:

«Привет, это А. Давай я тебя заберу с работы и отвезу домой. Надо поговорить».

Я уставилась в телефон.

— Что за... — прошептала я. — Откуда у него мой номер?

Я не поняла, зачем. Но сказала: «Ок». Сама не знаю почему. Может, из любопытства. Может, из глупости.

Он приехал через час. Мне пешком было идти две минуты. Но он галантно проводил меня до машины, открыл дверь. Я села. Мы поехали кругами по району.

— Как работа? — спросил он.

— Нормально.

— Муж как?

— Замечательный. Пашет как конь.

— А дочка?

— Прелесть.

Он задавал совершенно глупые вопросы. Я смотрела в окно. Сердце стучало. Я не понимала, что происходит. Он подвёз меня к подъезду. Вышел. Открыл дверь. Подал руку. Я вышла. И он схватил меня. Притянул к себе. Моё сердце бешено заколотилось. Я впервые в жизни оказалась в такой ситуации.

«Что делать? Что делать?»

Я испугалась — и пнула его в ногу. Быстрым шагом зашла в подъезд. Дома я прислонилась к двери. Стояла. Дышала. Меня трясло. С тех пор А. каждый день приезжал к моей работе. Караулил конец смены. Предлагал подвезти. Но я демонстративно улыбалась и шла пешком. А он медленно ехал рядом.

Однажды я пришла домой со смены. Зашла в туалет, муж мылся в душе. На раковине лежал его телефон.

У нас никогда не было такого, чтобы мы скрывали телефоны. Нам просто нечего было скрывать. Я села на унитаз. Взяла телефон. Открыла WhatsApp. И замерла.

«Солнышко, мой дорогой, любимый котик. Я скучаю по тебе безумно. Когда мы снова увидимся? Я жду твоего ответа».

Я перечитала это три раза. Четыре. Пять. Слова не меня-

лись. Они были там. В его телефоне. В нашей жизни.

— Зай? — голос сорвался. — Зай, что это?

Он высунул голову из-за шторы. Мокрый. Спокойный.

— Что? А, это? Это мама друга. У него телефон сел, он с моего телефона писал.

Я смотрела на него. На его лицо. На капли воды, стекающие по щекам.

«Он врёт. Он смотрит мне в глаза и врёт. И даже не краснеет».

— Ты что, совсем охуел? Ты дуру из меня делаешь? — я встала. — Мама пишет тебе «любимый котик»?!

— Зай, успокойся...

— Ты совсем конченный?! Я успокоюсь, когда ты скажешь правду!

Он вышел из душа. Обмотался полотенцем. Подошёл. Попытался обнять. Я оттолкнула его.

«Как он может?»

Я сфотографировала переписку. Сохранила номер.

— Я пошла на работу, — сказала я.

— Ну зай, подожди...

Я хлопнула дверью и прибежала на работу. Уткнулась подруге в плечо и ревела.

— Он мне изменил, — всхлипывала я. — Он мне изменил, я нашла переписку, а он врёт, что это мама друга...

— Охуеть, вот же мудака! Давай позвоним ей, — сказала подруга. — Хватит реветь.

Я вытерла слёзы. Нашла номер. Нажала «видеозвонок». Она ответила.

— Ты кто? — спросила она.

— Жена Д.

Она усмехнулась.

— А, жена. Ну привет, жена.

— Ты знаешь, что он женат?

— Знаю.

— И тебя это не смущает?

— А с чего меня это должно смущать? — она наклонила голову. — Я его люблю. Мы давно вместе. Я вдова, у меня шестеро детей. Им тоже нужен отец, я люблю Д. И он любит меня. Он больше не твой. Он мой.

— Ты сука... ты вообще слышишь себя?! — закричала я. — У него жена, у него дочь!

Я чуть не визжала от злости, смотрела на её лицо в экране телефона и чувствовала, как внутри что-то умирает. Отключила звонок. Села на диван.

«Он говорил ей, что она самая красивая. Он говорил ей, что я — привычка. Он спал с ней, а потом приходил домой и целовал меня. Он врал. Всё это время он врал».

Я встала и пошла домой, вошла в квартиру, муж сидел на кухне. Пил пиво и курил.

— Зай..

Я стояла в дверях боясь двинуться. Смотрела на него.

— Я звонила ей.

— Кому?

— Твоей ебаной любовнице. Она мне всё рассказала. Про то, что вы давно вместе. Про то, что я привычка.

Он встал. Побледнел.

— Зай, послушай... Да она пиздит

— Нет, это ты послушай! — закричала я.

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу. Как в ушах начинает шуметь. Как сердце бьётся где-то в горле. Не от страха. От злости.

— Ты меня предал! Ты трахал её — закричала я. — Я тебе родила дочь! А ты... Как она тебе? Понравилось?! Как ты мог сука? Да она в 10 раз жирнее меня! Да блять она дважды или трижды вдова она сказала! Как ты вообще мог на нее посмотреть? Чем я тебя не устраиваю? Я-красивая, да мне сотни мужчин комплименты говорят! Я не ведусь ни на что! А ты? На что ты повёлся?

— Я бухой шёл домой, — начал он. — Встретил компанию. Они меня пригласили. Я пошёл. И мы потрахались с ней. Я сам не понял, как всё случилось. Клянусь, это было всего один раз! Я не знаю зачем я это сделал, клянусь тебе. Да мне даже не понравилось! Это все алкоголь, и мы с тобой постоянно ругаемся... Наверное просто хотел попробовать что-то другое, что-то новое. У нас с тобой давно ничего не было. Ты мне не даёшь..Ну хочешь я на колени встану? Хочешь?!

— Один раз?! — я засмеялась. — Один раз?! Она мне

сказала, что вы давно вместе! Что ты ей говоришь, что я просто твоя привычка, что ты ее любишь, что скоро уйдешь от меня!

— Зай да она пиздит, я...

— Затнись!

Я схватила тарелку. Не думая. Не соображая. Просто рука сама потянулась. Я швырнула её в стену. Тарелка разлетелась на куски.

И в этот момент я почувствовала облегчение.

«Пусть всё разбивается. Пусть он видит! Пусть он слышит. Пусть он знает, что я чувствую».

Схватив чашку, швырнула. Ещё. Ещё.

Я била посуду и чувствовала, как злость выходит через руки. Как будто внутри меня был сосуд, который переполнился, и теперь всё выплёскивалось наружу. Я не контролировала себя.

«Я не могу остановиться. Я не хочу останавливаться. Я хочу, чтобы он почувствовал. Чтобы он понял. Чтобы он сдох от боли. Как я. Как я сейчас».

Д. пытался меня успокоить. Обнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.